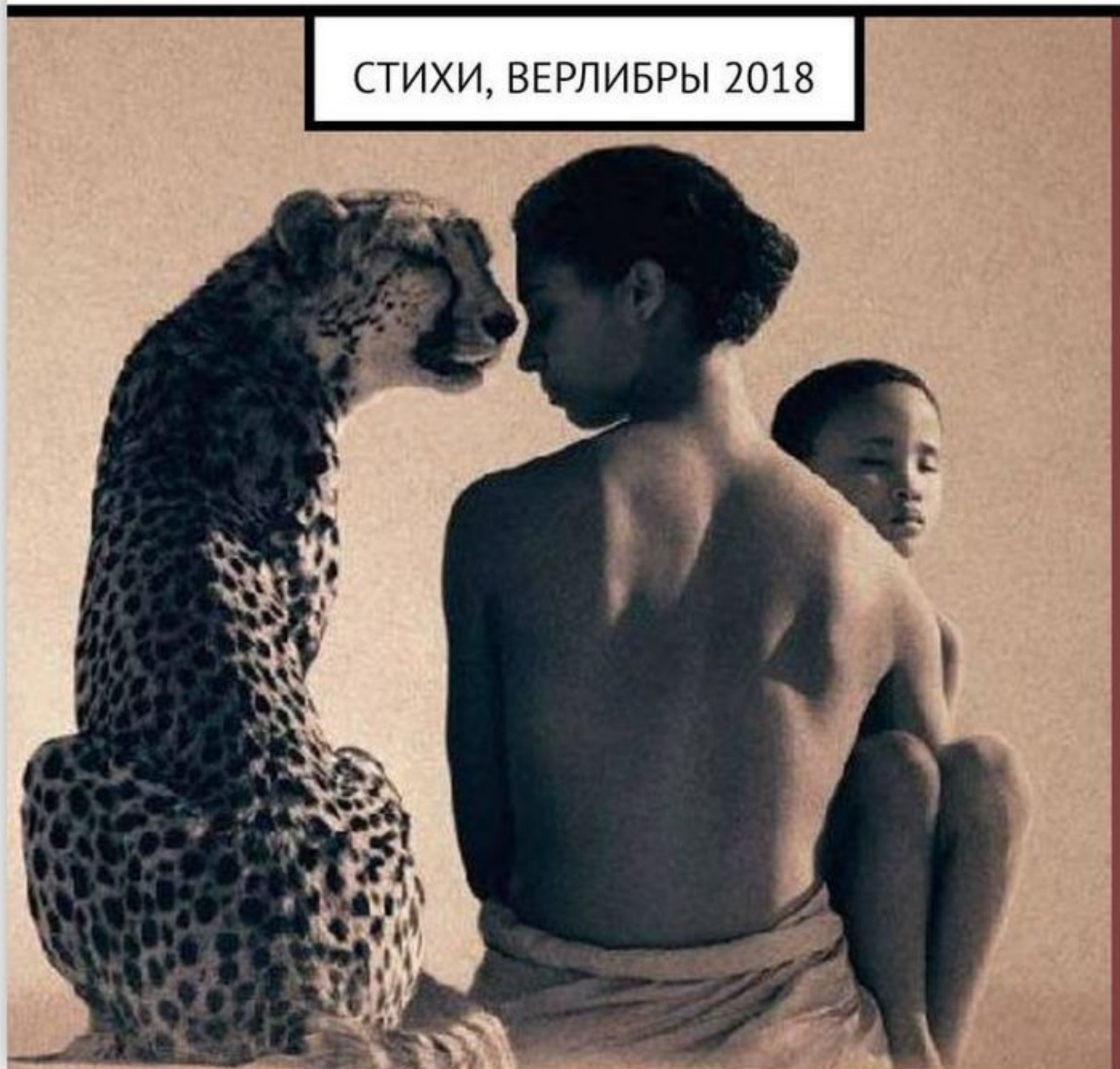

18+

ДМИТРИЙ БЛИЗНЮК

Утро глухонемых

СТИХИ, ВЕРЛИБРЫ 2018

Дмитрий Близнюк

**Утро глухонемых.
Стихи, верлибры 2018**

«Издательские решения»

Близнюк Д.

Утро глухонемых. Стихи, верлибры 2018 / Д. Близнюк —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960317-3

Сборник стихотворений современного украинского поэта Дмитрия Близнюка, верлибр. Лучшие тексты за 2014—2018 годы. Выбор произведений — Сергей Герасимов. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-960317-3

© Близнюк Д.
© Издательские решения

Содержание

дама пик	6
раньше Бога	7
осень как восемь	8
«ветер сбивает бурые листья с тополей...»	9
«щеглы нашей влюбленности...»	10
Венеция времени	11
теперь я утка	12
«...и наволочка в слезах ...»	13
«ты бредешь по шиколотку в красных листьях...»	14
«давай зажжем камин...»	16
«синие волки зимних вечеров...»	18
«в квартире тихо...»	19
я вдохнул в тебя жизнь	20
«наш дворик спит, будто каторжник...»	21
видение	23
зимние ангелы	28
театр абсурда	29
трон	30
«по комнатам гуляют фиолетовые барышни сновидений...»	32
«за окном в сером свете трепыхается вечер ...»	33
«вот и настала зима; и я утепляю образы...»	34
радуга во тьме	35
«существует лишь одна улика...»	37
человек-паук	38
парк	39
«бездетный день шатается под солнцем...»	42
печатка тишины	44
здесь время, как улитка	47
ностальгия	49
место для родины	50
моряк	51
Яся	52
письма патриция	53
ты выглядишь грустной	55
«...и мечта старится, как собака...»	57
жемчужина ненастья	58
«он смотрит из окна на дерево, а она...»	59
«весенняя капель...»	60
«так в юности высовываешь голову...»	61
«поэты парят/подскакивают над асфальтом...»	62
век-мальчишка	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Утро глухонемых Стихи, верлибры 2018

Дмитрий Близнюк

© Дмитрий Близнюк, 2020

ISBN 978-5-4496-0317-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

дама пик

вот это – мое первое литературное лето.
а пляж невзрачен: рыбная котлета в сухарях,
и сонная река ненавязчиво минует дамбу,
изящно вытягивается в солнечной котловине
зеркальной ладонью кверху – к редким легким облакам.
это гадание по руке,
по безобразной гуще камышовых завес,
по теплым внутренностям июльских дней.
течение темными пальцами тянется к горизонту,
и зыбь отпечатков скользит по воде неуловимо.
а река засыпающим лебедем
укладывает длинную серебряную шею вдоль берега
(печально уткнулась деревянным клювом причала
в песчаное и рыхлое крыло).
вот эта лодка сгнила давным-давно,
от нее нам остался каркас тишины.
твоя серебряная ящерка на кулоне
плотоядно рассматривает девичий прыщик на груди.
сколько же еще я буду вдыхать
твой свежий нагретый пот, как запах лугов,
поглощать твоих уст клубнику
ягоду за ягодой? (песчинки хрустят на зубах —
плодовые косточки поцелуев.)
я смотрю на тебя и на наши отражения в реке
и исподволь музыкально схожу с ума,
а пиковая дама в черном купальнике смеется
и обнимает меня с двойной подоплекой.
и дрожит, дрожит зеркальная карта июля.

раньше Бога

ранним утром туман брошен в низины города
песцовой шубой с барского плеча.
и ты впиваешься душой в утренние улочки,
шевелишь губами, зыблешься облаками,
(харьковский маг с двухдневной щетиной),
находишь смысл там, где не ожидал его найти
(так обнаруживаешь десять гривен в старой дубленке),
переступаешь утренний ручеек – исток
будущего водопада. шагаешь
по безлюдному ангару
со спящими самолетами событий.
всё это – мягкая скорлупа недозревшего дня,
бледная кожа под резинкой плавок,
беззащитный родничок младенца.
ты вошел в просыпающийся мир гораздо раньше бога,
добрался до дремлющего истуканом здания загодя.
и нужно поваландаться.
и ты видишь город, как женщину утром, без макияжа.
вот она – свободная минута для волшебства.
тебя прошибает нашатырная ясность:
сквозь мусорные баки, яблони, псов, полных оптимизма,
сквозь пасмурные арки прохожих
ты ясно видишь целый мир, как жука на ладони,
как хрустальное ведро с песком солнца,
как внутренности кролика, как картину Дали,
как сонный цветок (пчела ползет по лепестку),
ты видишь свечу и ее отражения
в бетонном зазеркалье.

ОСЕНЬ КАК ВОСЕМЬ

да, люблю я осень! люблю я писать про это лисье,
трагическое, разбойничье нагромождение гениев.
из каждой лужи сквозит зазеркалье,
как последние капли во флаконе «poison».
наглые белки в парках,
словно вертикальные рыжие ящерицы,
отбрасывают пушистые хвосты
и собираются в наэлектризованные стаи,
а потом набрасываются на прохожих,
не знающих «очей очарованья».
с деревьев опадают не листья, а стихи, не написанные
миллионами несостоявшихся поэтов... кто им гомер?
сколько этих матовых бульк
разнеслось по поверхности? осень – как восемь,
только со сточенным клювом. ближе к семи
над площадью и вождем
сгущается рыба стальная синева.
вот универ, и скрипач, как снайпер с прицелом в листа,
пересчитывает мелкие деньги в коробке из-под пиццы.
но где же герой нашего времени?
выйди за разум и жди... он придет вечером,
пропахший октябрем, кострами и псиной,
на высоком коне, состоящем из есенина,
святой печени и пятен родимых.
будет много музыки. страшной музыки. бах. он
сдирает кожу с твоей души, как со спелого персика.
а мы поставим капельницы с настоящим кагором
и легкой мелкокалиберной грустью.
или томлянку из листьев.

«ветер сбивает бурые листья с тополей...»

ветер сбивает бурые листья с тополей,
будто пепел с погасших вертикальных сигар;
и троллейбус примеряет лужи на круглые плавники колес.
женщина с зонтом
шелестящей юлой пересекает черный квадрат. наискосок.
каждый третий в этом городе одинок.
дождь, улица, женщина, троллейбус...
всё это или уже когда-то было или когда-то будет.
клавиши на клавиатуре Господа западают,
и кто-то наблюдает за нами между строк
по ту сторону стихотворения.
после нас остается не потоп,
но тающие снеговики взглядов...

«ЩЕГЛЫ НАШЕЙ ВЛЮБЛЕННОСТИ...»

щеглы нашей влюбленности...
их слопали дворовые бандитские коты —
даже косточек не оставили.
помню, я водил пальцем по твоим губам,
будто медленно чиркал спичкой о раковину улитки,
и улыбался. и рождался поцелуй —
его мягкая гравитация, антипламя, мятно-розовая
вмятина в пространстве...
смотри: наши полночи плетутся за нами
будто пугливые псы с желтыми повязками на глазах...
память о нас — свет позади туннеля.
и неизвестно, стоит ли мне идти вперед
или подождать тебя —
легковесный рой прожорливых бабочек,
непричесанную музыку?
ты опоздала на последнюю электричку
во всей вселенной
и теперь гуляешь наобум, вся в лунных зазубринах,
среди темных полей и вертикально спящих цветов
навстречу ко мне... щеглы... щеглы.

Венеция времени

скорпион слышит в ночи
бархатные шаги каравана за тридевять земель;
так и я слышу – тыходишь в будущее без меня,
теряешься в лабиринтах расступившегося моря,
в сине-зеленых улицах вздыбившихся волн,
и над тобой нависают небоскребы воды,
бурлят гигантскими хрустальными столбами
с вертявыми рыбами
и сонными затонувшими кораблями.
ты уходишь в перспективу картин Мане,
манишь за собой пальчиком тишины,
а картины накрыты сиреневыми покрывалами лжи.
когда-то мы друг друга любили:
губасто-глазастый сплав из двух сияющих лиц,
изваяния влюбленных расслабленных мышц.

говорят, всё уже когда-то происходило
и мы живем на всем готовом, как дети миллионеров.
нас запускают во время разумных пираний
в спиральный, антистеклянный аквариум
с односторонним импровизирующим течением —
и на изгибе движения можно стукнуться плавником
о прошедшее, о собственное отражение,
встретиться рыбьим взглядом
с серебристым двойником...
смотри, в красивом песке, на дне времени,
белеют обглоданные скелеты верблюдов,
желтеют барханы пустых циферблатов,
неужели наш караван не дошел до цели?

мы расходимся с тобой во времени, как ножницы,
отрачиваем лезвия, как волосы.
это созревшая память любви,
это Венеция времени, – и мы разминулись,
нырнули в разные улицы... но я ни о чем не жалею.
так король в утро казни невозмутимо протирает шею
платком, смоченным уксусом и водой, слезами
любовницы (ее бледные руки дрожат,
точно восковые орхидеи или маленькие электродрели).
я слышу твои колебания в паутине времени,
я всегда с тобой – как и ты со мной.
и в то же время – никогда, нигде, не мы, немые.
это квантовая физика человеческих отношений.

теперь я утка

это стихотворение переживет меня,
как беспородный щенок хозяина.
мы с тобой снова на «ты».
разорвали сиамских младенцев любви,
мне досталась большая часть печени,
тебе же оба сердечка – ледяной королеве.
скажешь: меньше употребляй хлеба, вина и зрелищ.
да, уже не мускулистый, оплыл жирком,
как лом – свечным воском,
выхожу покурить за угол красного небоскреба,
который построил Местный Вор,
в паузах наблюдательности
выдыхаю струю синего дыма, как кит,
рассматриваю жизнь, очнувшись от слепоты
мелкого дождика, косо морозящего в сознании.
мы в изгнании.
следуем из эдема в таинственное будущее.
но наивно верить, что у нас впереди
много свободного времени:
стога рыхлого сена с прелью и паучками,
серебряными иглами.
и мы найдем их (рукой, щекой),
когда нырнем с балки в пахучий ломкий омут сеновала.
в памяти мерцает
наш вечный огонек детства.
отношения натянуты. ну их – приспусти колки струн,
уже не сыграть нам скандальный блюз,
эротический вальс.
только почему мысль о тебе заходит в мой дом
без спроса,
шуршит песочной женщиной с рюкзаком
и на желтом зернистом лице нет лица —
угадываются лишь горбинка носа, изгибы губ,
и песчинки сыплются на ковер.
подставляю ладони – обжигает горячая дробь.
одергиваю окровавленные крылья.
теперь я утка.

«...и наволочка в слезах ...»

...и наволочка в слезах —
обмочившийся щенок лица
пристыжено машет ресницами.
загустевшим безумием, как ржавой проволокой,
протыкаю седьмые небеса.
слезы сверкают, как стекловата.
отталкиваю тебя,
чтобы лучше рассмотреть.
я дерево, а ты – отросток на моем теле,
слепо огибаешь железные прутья ограды
деревянной бугристой змеей.
так кошка кусает себя за плечо.
так мы ругаемся,
перебегаем трассу, мокрую, черную после дождя,
словно дети или бродячие собаки,
а мимо фурами проносятся жестокие фразы,
давят на клаксон, мощные, злые, рычащие.
пролетают закованные в хитин безумцы
на мотоциклах междометий.
сбивают настроение,
разбиваются – окровавленный пластик.
ух, чуть не убили друг друга словами...
светает...

«ТЫ БРЕДЕШЬ ПО ШИКОЛОТКУ В КРАСНЫХ ЛИСТЬЯХ...»

ты бредешь по щиколотку в красных листьях,
как по отмели, и шуршат, шуршат под ногами
усохшие мошонки августа,
ржавые уши.
блестящие птичьи голоса, как гвозди в масле,
уже законсервированы на зиму,
заколочены в фанеру летней сцены.
пока-пока. жди весны, повеса.
и хлопчатобумажные призраки берез прозрачны,
тонкими ветвями, точно
сетью кровеносных сосудов, заполняют
сизый воздух, охрипший от молчания,
от вибрирующей пустоты прохожих.
и шуршит, шуршит под ногами
крабья музыка —
гимн вымерших насекомых,
легчайший семипалый бред,

осень, ты пререкаешься с воронами в парке,
сшиваешь разорванный воздух
хрустальной иглой сырости —
авось вышьется
рыжая песья безрукавка опавших листьев.
то в миг переменишься, улыбнешься —
солнечная пиранья утром ранним,
обнажишь статуи голубого мрамора
промеж деревьев
с красными гениталиями трамваев.
маленькие люди выгуливают крошечных собак
на твоих заасфальтированных ладонях,
листья кленовые —
пожелтевшие вставные челюсти —
раскисают, и мелкие облака
выброшены, точно медузы.
берег неба
усеян бункерами бетонных крыш,
черными, тонкими, как аисты, антеннами.
осень, ты меня слышишь?
дрозд очумело крутится над кучей песка...

об осени можно писать красиво
без конца и края.
но какой в этом смысл?
осень, как ведьма: молодая, рыжая,
с выбитыми зубами, разбитым носом,

и ее забрасывают камнями,
мокрыми тряпками,
пестрым мусором.
осень, осень,
моя и твоя трехгрошовая истина...

«давай зажжем камин...»

давай зажжем камин,
выманим красного зверя
на горький запах дыма.
давай отбросим всеядность,
давай помолчим,
будто глухонемые король и королева
в средневековом замке:
шкуры разбросаны по полу, как облака,
терьеры дремлют, вздрагивают во сне,
и простая мелодия счастья медным обручем
крутится в голове.
ты пьешь кофе за круглым столом,
обняв большую теплую чашку двумя руками —
задумчивая Ева с яблоком.
уютно потрескивает тишина.
тишина – будто усы кота: хочется за них подергать
и даже припалить или постричь.
сможет ли тишина после нас жить,
ловить мышей?
как тишина будет без людей?

а ветер снаружи сдирает звук
с заснеженных костей
воздуха,
срывает клыками вяленое мясо
с потемневших ребер ветвей.
ты повесила в саду на проволоке сало для синичек,
соорудила скворечник для воробьев,
а внутри замка время для нас остановилось:
мы попали в медузу мгновения,
в синюю льдину вечерения
вместе с пыльным мамонтом дивана —
так бактерии счастья
дрейфуют в комете миллионолетия...
ты допила кофе и обнимаешь меня,
мы можем жить бесконечно в этом моменте,
пока не покроемся скукой и плесенью;
камин, как вытяжка, гудит,
вот гипертрофированные спички
из сказок про великанов,
корзина, копилка в форме прозрачного слона.
мы спрятались в осколке мира.
ты пахнешь кофе и духами,
женской перспективой,
а зима снаружи (жестокая белая обезьяна)

шкрябает когтями толстое французское окно,
терьеры дремлют, вздрагивая во сне, —
так было много раз.
наше круглое счастье – как стол, как пластинка:
достаточно поправить упавшую прядь
на золотисто-зеленое лицо – ты же марсианка? —
вернуть иглу проигрывателя в первую бороздку
мгновения,
мгновения,
мгновения...
давай зажжем камин...

чувствуешь, сжатые столетия
прорастают сквозь нас, будто каменные цветы.
шипами
лезут соборы без окон и дверей,
полная горница квантовых привидений,
и все наши прапрадедушки —
(бронзовые канделябры с синими свечами —
неясно отражены в реке времени.
смотри, волна застыла, как смола,
мы – ячейка общества; и карась
с красными жабрами замер, устал биться,
загадывать желания в мокрую чешую —
так мы иногда выходим из себя,
стягиваем тяжелые скафандры
(бабочка и ягненок, волк и отбойный молоток),
замечаем, что воздуха хватит на всех.
давай же сохраним
немного древнего тепла на пальцах и губах.
твоя пластилиновая рука, янтарные отблески,
марсианские поцелуи
и черные влажные ноздри терьера...

«СИНИЕ ВОЛКИ ЗИМНИХ ВЕЧЕРОВ...»

синие волки зимних вечеров
хрипло завывают поземкой.
дома, дома, дома —
топорные великаны Урфина Джюса —
исполнены электрических очей.
наши редкие прогулки по зимнему парку
хрустят,
точно челюсти сверчка, пожирают белых мух.
сиреневый отблеск фар скользит по фольге.
слышишь? там, в глубине, в снежной утробе
вибрирует ветка метрополитена
под пудами мерзлой земли,
будто дракон чешет бетонные ребра
когтистой лапой.
а снаружи тянется к небу гряда
высоченных мордатых сосен:
стоят навтыяжку на фоне персикового заката,
как английские гвардейцы в красных мундирах
и медвежьих черных шапках.
не шелохнутся, не чихнут вороном...

«В квартире тихо...»

в квартире тихо.
она ушла на работу —
выскользнула за край пространства,
как лисица из голубятни,
сытая, быстрая, довольная.
гардины вальсируют в розовом пуху на кухне,
завтрак ждет на столе
в чистенькой клеенчатой мышеловке.
на душе спокойно, легко и громадно,
будто прогуливаешься в сандалиях
по мокрой палубе субмарины —
только-только всплыла на поверхность мира,
и солнечный свет стекает по стенам,
по лоснящимся бокам...

сделав кофе, выглядываешь во двор:
цивилизованная пропасть,
проросшая балкончиками,
рассадой, антеннами, котами,
голубями, рожами.
два пацана с гонором чинят мопед в тени дома,
дедуган точит лясы с дворником,
пес лакомится водой из широкой лиманистой лужи
там же бродит голубь, как монах шаолиня
в рисовом поле, залитом водой, поднебесьем...
сохнет раздавленная карамора на откосе.
кто-то долбает пианино этажом ниже —
бросает серебряные бруски в окна.
никто не знает, что дальше будет с нами.
Господь всемогущ в настоящем,
мы живем только один раз, как свеча,
не от нас зависит,
что мы освещаем, кого запомним.
и с этим тоже ничего нельзя поделаться.

Я ВДОХНУЛ В ТЕБЯ ЖИЗНЬ

я вдохнул в тебя жизнь —
в снежную женщину с зелеными глазами.
ты чуть улыбнулась и сказала: «привет!
я побуду с тобой до весны?»
я вдохнул в тебя с первым поцелуем
лучшую часть своего мира,
и опавшие листья под первым снегом шуршали,
как деньги в конверте.
мы шли по проспекту, взявшись за руки,
шел мягкий пушистый снег...
кто-то записывал душу мира поверх нас,
как музыку, как узоры инея на стеклах.
это наша зима.

воздух покрывался
серебристыми чешуйками, точно тритон
или солнце-желток, вмерзший в льдину.
можно было весь вечер провести в твоих волосах —
в спальне или возле камина,
чтобы достать листик липы,
будто креветку, застрявшую в водорослях.
из окна нашей кухни – вид заводского района:
обрубки труб, шелковые выкидыши дыма,
будто пальцы полковника,
нажавшего красную кнопку.
и морозы, как немые псы
из канцелярских кнопок,
покусывают нас за руки, за ноги,
что-то пытаются нам сказать...
но мы не будем слушать их —
будем любить и ждать весны.

«наш дворик спит, будто каторжник...»

наш дворик спит, будто каторжник:
в кандалах скамеек
подложил под бритую голову асфальта
трансформаторную будку, тихо гудящую —
бетонный улей с электрическими пчелами.
но мы не будем спать.
ты мягко обнимаешь меня за шею,
щекочешь под подбородком.
так бывает с влюбленными женщинами – играет
с неразорвавшимся снарядом,
щекочет кисточкой,
стучит кровавым ногтем по капсулю.
в тусклом свете, пропущенном сквозь жалюзи,
ты превращаешься в фиолетовую женщину-зебру
с бархатными полосками на бедрах, спине.

еще один год вместе.
мы проплыли затонувшую акру,
покрытую черными кораллами грачей
в голубом, огненно-рыжем небе парка,
отраженную в грандиозной луже.
и кленовые листья разбросаны под ногами,
как раздавленные крабы;
парк красиво чернеет, подгнившая желтизна
похожа вкусом и цветом на печеные бананы в кожуре;
дрожат чертоги увядания – кроны каштанов —
как люстры при землетрясении в два балла.
еще один год, еще один мельчайший стежок
сделала тонкая игла вечности,
пришила нас ко времени-пространству вместе —
расплавленную пуговицу по форме сердца.
но ей ничего не стоит нас оторвать.
осень: текучая прозрачность листопада,
струи компьютерной программы,
и кажется, что можно рассмотреть того,
кто пялится на нас с другой стороны экрана,
пока нас не накрыли пышными снегами,
не заявили мумии, щедро обмотанные бинтами —
будто дети старались на уроках
по оказанию первой помощи, первой любви...
но можно ли нашему миру помочь?

еще один год, еще одна книга,
и в сердце – оседание красного наста...
всё меньше шансов остаться,

но белка не хочет покидать колесо.
я смотрю в окно. отопление уже включили, тепло.
а ты застилаешь постель, идешь на кухню,
и время течет по спине, как вересковый мед,
и наши чувства медвежьи, косялапы,
и рябина-балерина разучивает новые па.
еще один год, еще один шанс.
шаг за шагом мы идем неизвестно куда,
неизвестно зачем, как в сказке...
но что там, в тумане? – кто-то вырезает ножницами
из сложенного тетрадного листа
зубчатые снежинки – громадные, как скатерти,
и клеит их к стеклу.
готовится к гостям.

ВИДЕНИЕ

девушка в белом платье на пароходе
аккуратно лущит арахис и смотрит вдаль,
где широкая река соприкасается с небом,
как прошлое и будущее,
как наган и кобура.
«я нимфа. я здесь живу», – говорит ее молчание
на языке змеящихся волос,
с которыми играет мангуст ветра.
мы плывем на теплоходе.
она ест арахис, я курю,
и с востока скользят оранжевые тонкие драконы
с пеликаньими мордами.
мы их видим, я и она,
и мир исподволь выздоравливает от человечества,
как от разумного спида...
нет, это нам только кажется:
видение на краю реки и неба.

черный ворон
смотрит боком на меня – чекист неба;
глаза – новенькие патроны ППШ —
плавают в масле зрачка. смотрит
подозрительно: а ты еще веришь?
а я всё еще верю
в полубога —
в полудурака весны:
грязно-зеленая щетина травы,
нечесанные патлы замусоренных аллей.
бледная грудь воздуха изранена
кошачьими коготками сырости,
мелодичный пам-пам болтается на квадратной шее
раскрытого разбухшего окна;
копыта асфальта, как у фавна, в трещинах.
а погода нервная: прощупывается в облаках
будущий дождь,
как воспаленные лимфоузлы на горле;
сыпь стен, смазанная цветением, щебетом;
город цвета пиццерийной блевотины.
и я высыпаю на ладонь
холостые патроны.
холостые патроны

в новеньком револьвере недели,
семь дней – семь латунных стреляных гильз,
и воскресенье
празднично —
с красным ободком вокруг капсюля.
так ублюдок свободного времени
пускает слюну перед экраном,
так ребенку дают жизнь – веревку от флотилии
линкоров лилипутов,
и он ее тянет-потянет...
а на деле – имеет оторванный хвост ослика Иа.
да и твой день рождения —
капкан волшебства.
жизнь,
мы больше не увидимся никогда.

* * *

ты уже спишь,
а я прислушиваюсь к твоему дыханию,
будто смотрю на снег, идущий за окном.
ночные хищные птицы слетаются на подоконник,
чтобы послушать, как твое сердце тихо скребется
полевкой под белоземом одеяла.
иногда ты во сне разговариваешь:
сейф души забыли запереть на ночь,
а в нем спрятана бархатная пустота,
громадные купюры созвездий,
за которые нечего купить, ибо полки неба пусты.
мне нравится с тобой говорить,
пока ты спишь. и ты мне ясно отвечаешь:
жалуешься, споришь, настаиваешь.
и кто с кем разговаривает —
с точки зрения сознаний —
орел с решкой или кто-то третий
является между нами, принимает очертания
клоуна, взволнованного ребенка?
я всегда ложусь спать поздно, чтобы
отразиться в теплой реке твоего тела,
в розовом растопленном озере воска,
чтобы приблизиться к сердцу,
как тромб или артериальный зажим.
ты – замочная скважина между мирами,
и я, играючи, просовываю травинку
ятебялюблю
в иные пространства...
пока ты спишь.

* * *

серый цыпленок рассвета
наискось клюет пшено сновидений с подушки.
среди твоих разметанных мельниц-волос
сходит с ума донкихот
в чем мать родила.
«я» мерцает как крупича марганца —
вот-вот начнет растворяться в бадье дня,
чуть-чуть меняя цвет водянистому миру.
антенна анатомической цаплей
глотает (мускулистый хрусталь) вазу с кольцом,
но главный цветок рядом со мной —
ты распластана, подснежник в разрезе снега,
сонно-зернистом, пышешь соблазнительным жаром;
лисица, уснувшая в распотрошенном курятнике,
наглая мордочка.
мне ли ты принадлежишь, плотоядный цветок?
могу укусить слегка дождечервяковый лепесток груди.
но – приручить зубастый цветок?
да и нужен ли он мне? тебе нравится,
когда я целую вену на сгибе локтя,
чувствую себя шприцем с разбухшей иглой.
я обхаживаю тебя, как варан умирающего оленя.
моя слюна отравлена стихами. если мои эритроциты
попадут к тебе в кровь – ты обречена.
часть тебя останется со мной навсегда,
как мраморная маргышка. или змея
с живыми выразительными глазами,
с проглоченной крысой, портящей фигуру.

но цветок, цветок, почему ты стареешь?
увядаешь? я имею в виду не время, не старость.
почему ночами я прижимаюсь к тебе сильнее,
чем ковбой в холодных ночных прериях
к горячим камням погасшего костра?
что мне с этого?
кому есть дело во Вселенной
до двух теплых снежинок, которые исчезнут к утру,
растают без следа в черной мерзлоте.
но вот – резко – в твоих глазах проносится зелень,
яд, амазонка, зубчатый крокодил,
хищный бросок – но я ловлю
твое лицо – властно, как ты любишь.
мы хищники мгновений, слепыми львами
охотимся на антилоп времени, косуль впечатлений.
остановись, мгновение, я тебя сожру.
и мы пожираем друг друга —

с любовью, с жадностью, с остервенением,
без логики, без смысла, но оно того стоит – рассвет,
горячий пластилин похоти чуть липнет к пальцам —
и волшебный мираж рассеивается,
туман над деревенькой ночной
превращается в розово-молочного дракона
с ожерельями, с лохмотьями сожранных принцесс.
классный секс —
тоже зачет.
иди ко мне...

* * *

и бордовый, как бред, ковер на стене шелестел,
волновались отвесные рощи уходящей эпохи,
и прозрачные, как проза, весенние дни
окрыляли щуплые тела подростков,
трепетали полукруги, вынеженные на лопатках
вальсирующими пальцами.
а утром ломились в окна глупые ослики серых домов,
а вы бесстыдно обнимались на балконе (из одежды —
нательный крестик любви, бижутерия и надежда,
ласки будущего, пыльные лучи).
так много было страсти, что вы начинали
пренебрежительно смотреть на бледные дары плоти:
отрубленная голова пророка
увядала на блюде с гроздьями винограда.
пусть вам по шестнадцать, но всё было по-настоящему.
хождения по квартире гольшом
к вящему инфаркту перекошенных зеркал,
когда родители на даче или торгуют в белгороде,
приятные разговоры о ерунде, дурачества,
вы – неандертальцы свободы, моллюски без раковин
со вздорными сосками.
«хочешь яблочного сока?» – «подкури и мне сигарету».
на выходных вы беспощадно поедали
друг друга до поцелуйной изжоги,
до саднящей, как наждак, боли.
лягушачья тошнота недосыпа.
после вас – хоть потоп из кухонного крана,
хоть чемоданы пустоты, обтянутые кожей рептилий.
косточки от поцелуев похожи на косточки от вишен:
идет перестрелка, смех,
рикошеты от стекол.
любовь сходила с ума, впивалась ногтями в обои,
осыпалась старая штукатурка цвета какао.
и ваши сердца закипали, шли пеной афродиты,
пеной шампуней – шипели,
как закипающие виноградные улитки,

если их посыпать солью.

* * *

а утром – дневной свет
сочился сквозь незадернутые шторы —
бульон, просеянный от мелких кусочков птичьей плоти.
и вам нужно выбирать новые дороги.
куда поступать? куда идти? куда расти? ибо молодость
кишит направлениями и возможностями —
пустой бассейн, полный раздраженных змей
и прошлогодних вылинявших листьев,
и раскисшая брошюрка «верите ли вы...»,
и созревшие окурки, и бутылка кока-колы.
и вот так ты любишь жизнь в осколках.
это бог выстрелил в зеркало дробью,
но судьба так медленно разлетается на куски,
что проходит целая вечность.
и каждый осколок – это ты.
из каждой дробинки, осколка может вырасти
новое зеркало,
новый сорт тебя. неповторимый. новая жизнь.
со своими нивами отражений.
не бывает лживых, кривых зеркал.
и тогда ты оглядываешься и видишь все ваши свидания
на лестничных клетках: символы
чего-то невещественного, смертного и хрупкого...
колибри удерживает в лапках пудовую гирию;
гипсовые фигурки святых
выстроились по росту на лестничной площадке,
а там, за червивым мусоропроводом,
гудит лифт – парящая кунсткамера...
но кому ты нужен? кому ты, мать твою, нужен?
и жизнь длится, и длится, и длится,
как тысяча тысяч шагов от смешного —
к великому
разочарованию...

ЗИМНИЕ АНГЕЛЫ

шел снег – так бы шел промотавшийся граф,
белым шарфом разрывая бахрому
рыхлых снежинок, раздирая
пласты почтовых марок, сросшихся краями.
шел снег – так бы шел пьяный седой графоман,
щедро рукописи в воздух бросая,
и листы бы кружились,
как белые птицы – не опадая.
шел снег – вразвалочку, белой медведицей
переваливался за полночь, будто за плетень,
в царство белых гудящих ульев.
шел ночной снег, точнее – косо валил,
словно бредущий в ночи сенбернар.
прости, я уже говорил...

строила рожицы ледяная весомость.
я был заперт внутри космического корабля,
смотрел на снег за окном
и писал на наволочке плохие стихи,
вырезал длинные маски теней из потолка.
но ее лицо, шипя, исчезало медузой в огне...
да... рубцы прошедшего
чешутся в зимние вечера.
лишай памяти – до крови бы
не расчесать фотографии (их немного), где мы вместе.
орангутанг люстры свесился с потолка,
тычет мне средние пальцы лампочек и скалится.
да иди ты сам... и иду на кухню, и троглодитом
ем холодный борщ прямо из кастрюли,
а синяя крылатая тьма за широким окном
ловко уворачивается от снежинок,
точно агент Смит из «Матрицы»
уклоняется от замедленных пуль.
мышцы – спина и предплечья – приятно болят
после тренировки. мышцы радуются щенками,
которых покормили настоящим мясом.
и я иду в зал и тихо сажусь за компьютер,
чтобы никого не разбудить.
никого, кроме зимних ангелов,
зарывшихся в сугробы.

театр абсурда

осень: золотой неуклюжий фрегат
пойман и брошен ветрами
на блестящие рифы дорог, на мели детских площадок.
и аллея кленов на две трети сбросила листья,
и глядится в асфальт, как в зеркало —
желтые кони нависли у окаменевшего водопада,
и отражения зыблются и шуршат под ногами.
а синюю пропасть неба на зиму
собрались перевезти в казахстан. положили небо на бок,
на бесконечные фуры мокрых дорог
и перевязали ремнями дождей,
склочностью, слякотью. и синяя пропасть скользит и елозит.
шевелиться грязный брезент,
точно занавес в театре абсурда.
вот-вот рухнут низкие небеса...
и везде рассыпаны мятные леденцы луж.
и я слышу, как исподволь приближаются зимние дни:
белые змеи будущего
ползут нам навстречу, червивя время.

ТРОН

день за днем
ты глотаешь впечатления, как соленую кровь,
текущую из носоглотки в пищевод;
кто ты на самом деле – это неважно...
в общем, неважно. точка, которая дрейфует во времени,
аллигатор, плывущий
по мутному, рассольному течению.
ты не мог родиться муравьем,
но можешь понять муравьиность,
неуемную придурковатую подвижность,
когда несешься по лесной дерме крошечным
хитиновым монстром
с мощными челюстями и клешнями.
хватай – бей – рви – беги.
хватай – бей – рви – беги.
муторная мантра коллективного счастья.
так растворишься же в действиях во благо родины,
в серой кислоте глаголов —
добытчик, патриот и солдат.
нет. ни за что и никогда.
тайна твоего рождения не доступна даже матери.
летнюю ночь набирают черным шрифтом
с вкраплением чешуекрылых,
но тебе лень читать,
лень читать.
ты – чужой. древний красный дракон
взобрался на трон сознания и – озирается вокруг
ультрафиолетовым, информационным зрением.
ты видишь: за тобой с акульей грацией плывут столетия –
полусонные,
сплавляемые по реке времени
почерневшие тяжелые бревна.
ты сочинишь великолепный хокку —
отлитый кастет из свинца для трех пальцев —
и ударишь – протяжно – в солнечное сплетение,
собьешь дыхание... да бог с ним, с читателем.
но кто там стоит за его спиной в антрацитовый маске?
наивно думать, что книги пишутся только для людей.
прислушайся к молчанию – там, в багровой жидкости
вращаются эмбрионы настоящих слов,
зародыши красных виверн
бьют тугими хвостами;
не медли, но и не торопись – недоношенная истина
ничем не лучше переносимой. это искусство —
вовремя щелкнуть хищным клювом,

схватить сулика на бреющем полете.

ты выходишь во двор и упираешься взглядом в сарай.
из дыры в куске шифера тянется наглый куст,
тянется рогатым бюстом оленя...
кого ты, мать твою, обманываешь?
что именно хочешь этим сказать? получилось ли у тебя?
так ты стоишь на остановке и видишь:
девушка в трамвае
с бумажным цветком в распущенных волосах
смеется. смеется, и это, кажется, будет длиться вечно,
но, присмотревшись, видишь:
нет, рекламная бумажка на окне
легла поверх образа.
очередная бессмыслица,
очередной красивый мираж.

«по комнатам гуляют фиолетовые барышни сновидений...»

по комнатам гуляют фиолетовые барышни сновидений,
и нюхают стены и влажную развешенную одежду,
и лакают фиолетовыми, как у чао-чао, языками
остатки холодного чая в больших купеческих чашках.
ночь. мне нравится это мелодичное погружение в сон,
ты уходишь в темно-фиолетовые горы,
отраженные в иной реальности, будто в озере, —
это восхождение вниз,
и сознание проворной полупрозрачной змеей
спускается с твоей шеи
и уползает по своим змеиным делам. ночь.
днем же я чувствую время, как сырая курица в супермаркете
чувствует прозрачную пленку,
в которую ее завернули три раза —
прозрачный саркофаг яви...

«за окном в сером свете трепыхается вечер ...»

за окном в сером свете трепыхается вечер —
мышь, которую живьем заглатывает
прозрачная гадюка ветра.
маленькая церквушка стоит в стороне от дороги
без огней, как женщина без детей.
отвернулась спиной, закуталась в шерстяной платок.
заходящее солнце благословляет осень
неспешно, по-польски,
как папа римский из окна резиденции парка
благословляет шуршащие ручейки листьев,
туристов, студентов, детей на роликах.
бесшумно раскачиваются
колокола прозрачных теней на аллеях.
а ночью в парк прокрадется девочка-луна
и станет собирать осколки лунного шоколада —
черно-синие, горько-сладкие —
и складывать кривые шоколадки
в шелковый подол облаков.

«ВОТ И НАСТАЛА ЗИМА; И Я УТЕПЛЯЮ ОБРАЗЫ...»

вот и настала зима; и я утепляю образы,
затыкаю щели в иконах окна облачной ватой.
заклеиваю рыбы рты сквозняку,
как заложнику, бумагой,
но не требую ничего взамен, а просто жду весну.
но недержание комнат скоро дает знать о себе.
чего же ты хочешь? костюм с экрана
вежливо приносит дурные вести
рафинированным голосом конферансье.
прочь же из дома
в нашествие снежинок, в сумбурное стадо слепцов,
чтобы смешаться, затеряться
среди белобородых, ниспадающих старцев!
прочь из дома, где хищные углы – это раскрытые пасти
геометрических гадюк. пройди же по улице,
заметь, что среди старых домов дылда новостроя
бросается в глаза, словно отстегнутый протез
среди настоящих, кривых и волосатых ног в бане...

зима – проекция смерти на мир,
на грязные простыни домов, и я могу осознать, просмотреть
отснятый материал жизни.
так мы с ночного пирса смотрели на луну,
на небо, облитое сиянием, точно креозотом.
и лунный ящер волочился по черным волнам в Стамбул,
и я гладил тебя всеядно,
и пальцы вытягивались пластилиновыми цветами.
вдыхал запах твоих волос —
точно острые вилы вдыхаются в стог свежего сена.
апофеоз: я вспоминаю кадры из фильма:
молодой тигр распластан на операционном столе,
уколот, обездвижен ремнями,
и слепая женщина гладит тигра, случайно касается
крупной мошонки и смущенно улыбается.
так и мы улыбкой возвышаемся
над образным безобразием бытия.
и, возможно, слепой бог нас жалеет на ощупь,
летит на тишайший звук слез внутри.
звук, превращающий тишину в снежинки...

радуга во тьме

понедельник – слепой поводырь —
привел меня к тебе... что же это?
стечение обстоятельств?
случайный узор на тигриной шкуре судьбы?
мелодия подбросила интересный
перламутровый хвостик?
отношения не вернуть. и я выбрасывал рваные письма
из раскрытого окна летящей электрички.
читайте, поля, березы, овраги,
читайте, как мы любили друг друга.
выбрасывал летние прозрачные креветки-ночи
в урны возле подъездов и громад темного парка;
фотографии в синей траве намокали от росы,
и улитка ползла по нашим блаженным лицам
имитацией поцелуя.
из воспоминаний, из спальни факира
зигзагами выползают жирные светящиеся змеи,
и я протягиваю руку – жальте, аспиды.
из каждого укуса однажды вырастет цветок —
подснежник-подъядник, и я услышу,
как парень непринужденно насвистывает джо дассена,
замурованный внутри бетонной плиты.
как будто и не было будущего...

боже, сколько времени!
сколько пачекпельменей вместе съедено,
сколько качекстрастей за борта кровати выброшено!
в тапочки впрыгивая, как ковбой в стремена,
я гордился собой, этой двойной жизнью Вероники...
ты же тянешь слова, жевательную резинку,
а я подбираюсь изнутри молчания, будто человек-паук,
говоришь ерунду:
слова выпадают из рук палочками для еды;
камни, которые хочется швырять в окна
заброшенных домов.
ребенок скучает и закрашивает шариковой ручкой
неподвижные глаза кукле...
и я вдруг обнимаю тебя и нагло целую,
неожиданно – даже для самого себя;
затыкаю указательным пальцем пулевое ранение.
опешила от нахальности,
вздулась и медленно опала морская пена.
и я пью сырое птичье яйцо через пробитое отверстие.
высасываю поцелуй, пока клейкая сладость желтка
не охватывает всё небо, всё небо.

вот мы и вспомнили друг друга...
вечность на миг вспыхнула —
вспыхнула радуга во тьме,
чтобы осветить далекий силуэт нашей любви:
две обнявшиеся скалы
(она склонила голову ему грудь,
заросшую отвесными деревьями,
усеянную вертикальными баранами).
спасибо, понедельник.

«существует лишь одна улика...»

существует лишь одна улика,
доказывающая, что мы были вместе.
и твой лик прорастает из зеркала
громадной каплей ртути:
посмертная маска впечатления с зеркальным отливом.
и я лну устами к зыбкому суккубу...

...тогда прыщавая, как земляника, весна
сплела нас наручниками из одуванчиков,
и как только мы добрались до супружеского ложа,
ты приплыла – в первый раз – через пять минут,
как призналась спустя полгода,
а я еще долго распутывал пути хищных ласк,
яро гасил собой, словно асбестом,
бледный пожар незнакомого тела.
и душа над тобою корпела,
победоносно выплывая из нежных заводей пота
пиратом с изломанной розой в зубах. с икотой
всех разгоряченных мышц
(включая сердечные мышцы).
и всю ночь за окном красным десертным
рыгала гроза – впотьмах, сквозь шторы,
сквозь мерцание багрового бра.
и меня сводила с ума
тонкая красная линия кесарева свечения.
огненная позолота поцелуев осыпалась;
путешествие слюны изо рта вокруг света
за три часа с привкусом не сигарет, но орхидеи.
слепой росток любви.
прекрасней и совершенней любой идеи.
но наступало утро, и ты с неутолимым отвращением
восставала из страсти растрепанным фениксом.
вся исколотая лучами, в терпких занозах оргазмов.
в солнечных эполетах
стояла обнаженная на балконе,
довольно шурилась на весь мир во время оно,
ибо оно – время – везде, без всякого снисхождения
никогда не признает своего поражения.

Человек-паук

посмотри на это небо, мой друг.
облака напоминают сливочных великанов.
а внизу разлегся серым львом мой город родной,
и заброшенный парк-бродяга
прячет мраморную мошонку разбитого фонтана
в порванную ширинку аллеи.
заросла бурьяном асфальтовая плешь —
площадка для танцев и хмельных поцелуев
(скольких девчонок я здесь перетискал подростком?)
а сейчас и не парк это вовсе,
а состарившийся человек-паук
(как же его раздражают
мухи-кафешки с запахом шашлыка).
и в небе кружатся три ласточки
в черных шапочках и черных купальниках,
и птицы с разбега ныряют в хлористый воздух
и выныривают аж за костяной грядой тополей, а за ней
виднеется коричневое здание
спорткомплекса «динамо»,
там олимпийская чемпионка яна
осталась поплавать после тренировки
в бассейне (голубые штрих-коды мягко
мерцают на потолке и спокойном запрокинутом лице).
так и я – остаюсь после стихов,
чтобы еще раз взглянуть
с балкона на сотворенное небо:
вот каменные чучела домов —
серые волки, исполненные сотен очей,
и резкие провода вдоль дорог
волосинками с малярных костей
прилипают к свежей краске неба.
под чьими же ты сейчас парусами скитаешься
моя ненасытная, нетерпеливая асоль?
а вот и заветное кухонное окно,
пробитое в бетонной вышине,
и за ним ты привычно целуешь меня в губы,
а затем суешь ложку с гречневым супом:
«ты мне нужен: попробуй на соль».

парк

1

девушки, подобрав ресницы,
перепрыгивают через взгляды самцов.
хитрые, бумажные лисицы сигают через костер.
это городской парк с трапециями аттракционов,
яркий бедлам утраченного детства.
инвалиды радости прячутся за нарумяненными щеками.
щемящее чувство – не поверишь – я вспомнил нас:
ты еще ни разу не заходила в мои стихотворения
(не разувайся, узнаю лаковые лодочки старшей сестры).
если ты видишь сыр с каплей засохшей крови,
значит, до тебя уже кто-то гостил в этой мышеловке.
но настоящего мужчину ничто не остановит.

2

попав в парк памяти, понимаю, насколько крепко
привинчен взрослостью по резьбе серьезности
к фанере естества.
моя спутница – ты – капустница
с оголенными плечами,
мятный белый свет излучают атласные крылья на груди.
изящной шеи оголенные провода,
и наши перекошенные (я выше ростом) поцелуи
искрят, как старая бензопила.
птица памяти бесшумно садится на мое лицо,
вот твое лицо четко не могу разглядеть —
вмятина в памяти по форме отпечатка большого пальца.
кто-то затушил тебя, как окурок, —
с губной помадой по смятому краю.
вот мы в трамвае
возвращаемся из дня в ночь:
тряска, жидкое стекло окон, перекасти-поле
или это нашпигованная флюидами кружится голова,
и тусклое электричество
ломко плещется в твоих волосах —
золотые сельди в желтом смеющемся море.
это туннель любви и – любовь сама по себе свет —
неважно, что нас ждет в конце.
объевшийся лунных котлет
полубог страсти опускает босые ноги на ковер
из ночных водорослей, целует пальцы на ногах,
поедает тихо кричащих устриц с белым вином.
главное – не перепутай.
твое запястье с иероглифом тонких вен,
письмена, которые девушки смачивают духами —

так человек-паук выплевывает крепкие сети.
или родинка на открытой спине —
шрам бабочки от прокола булавки.
мне всё равно, что было до меня,
до меня хоть потоп (потом разберемся,
какого сорта принцессу похитил дракон).
но тебе неведомо знание, как это — быть мужчиной:
розам неведом сон, но лишь круглосуточное цветение.
даже во сне ты излучаешь роковое сияние, как радий.
дотронешься до тебя —
и рука тут же сгниет, как яблоко,
развалится бурым пюре до локтя.

3

да. да. сейчас ты спишь —
сама ли, с картоном мужского рода.
и между нами — не время, не годы,
возможно — между нами слова.
слова и звезды... вот он — парад ярких катафалков.
вселенная в вечернем порочном платье
пробует разглядеть
себя в четырехмерном зеркале пространства.
сколько раз мы просыпались вместе?
где эти ночи, подписанные
губами, шипами, бледными пальцами
пеплом на скатерти, кофейной гущей?
сон — прививка от смерти, манту
сюрреалистичности и абсурда.
и когда ты уснешь навсегда,
начнешь проваливаться в чертоги мозга,
в шипящую магму диалога с самим собой,
ты не испугаешься, а запрыгнешь в кистеперую
желтую электричку
и умчишься в иное немислимое путешествие.
смерть виляет хвостом.
да. да. ты забылась крепким, как абсент, сном.
зеленоватым, подводным.
все магазины ночью чутко спят под током сигнализаций —
стадо стеклянных косуль, подсвеченных снизу
сизой травой, с голубыми бликами на мордочках.
это лунно-пепельный зверь ночи
с носорожьей мордой — бородавчатый, фонаристый —
крадется по улочкам в поисках жертвы.
идет на запах сознания.
так комар с окислившимся жалом
летит на запах человеческого пота.

4

черный город, черные люди, черные полубоги...

начинается приступ сердечной тьмы,
и такси в конце улицы исподволь тает
таблеткой нитроглицерина,
положенной под шершавый холодный язык
улицы. наши диалоги-пуговицы,
на которые застегнут летний вечер,
прорехи поцелуев; понимание – фотоэлементы души:
ты еще не закончила свою мысль,
а моя душа мгновенно среагировала
улыбкой, лучами понимания.
двери во дворце-супермаркете
раскрылись: входи, принцесса.
теперь же у нас впереди зима,
как отсрочка с оторочкой из кроличьего меха.
пришла зима отчуждения,
и тянется без конца и края лимузин улицы
с выбитыми стеклами, и внутрь лимузина намело снега
и сухих листьев, и, обессилив,
я проворачиваю ключ в зажигании,
но звучит лишь верлибр...

«бездетный день шатается под солнцем...»

бездетный день шатается под солнцем.
в карманах сквера, кое-как заштопанных сиренью,
гремят костями доминошники – размеренно, картинно,
и новый участковый, как лихой мангуст,
охотится на местных самогонщиц.
а баржи тишины на ржавой подоплеке,
будто на смычках, въезжают по траве сквозь брызги камня
в кубическую пустоту между домами.
разорвали асфальт
варикозные вены тополиных корней.
и булочная – раздавшаяся в бедрах куртизанка —
в пыли и скуке ожидания придиричивых клиентов
кровавит губы яркой банкой «кока-кола».
так много места в этом мире,
что одуревший от свободы ты
расшатываешь душу, как ребенок – зуб молочный.
дантистов больше, чем зубных болей.
и человечество – трусливый, жадный лев —
уснуло в поле – в маковом сиянии цивилизации.
творцы уснули сладким сном, пустым и химеричным.
и облака – жемчужные мозги красавиц —
беспечно и гламурно проплывают над.
здесь можно построить грандиозный планетарий,
ведь столько мертвых шариков навоза
вращается вокруг безумных, пьяных огоньков.

как будто нет здесь никого – в подлунном мире.
одна еда и хищная реклама, и собачка, точно в тире,
стреляет из мелкашки лая
в ошлемленную цифру дома №9.
и сквозь раскрытое кухонное окно (второй этаж)
фантом невесты в заляпанной фате из занавесок
приплясывает, счастливая,
с горшком алоэ в сетчатых руках.
здесь всё возможно, что ни пожелаешь,
но только государство знает, что ты хочешь.
марго плотоядно зевает в салоне красоты,
а самодовольный мастер в телефоне
давит фотогеничные прыщи.
и не могу понять – зачем так много красок
вокруг спекается в цистернах,
зачем звенит живое серебро волшебных рыб,
когда художников и рыбаков у моря, как подвид,
давно пора вносить в долину красной книги?
а здесь балкон лобастый, накупил, как ломоносов.

и бездна звезд полна. и умных дураков.
господь, утратив стимул развиваться,
отчаялся, и – опрометчив – смотрит в сторону людей.
смерть, как менеджер по персоналу,
постыло пересматривает ворохи анкет;
сплошной бардак из судеб.
и чудится мне: вечный двигатель сломали греки,
чтобы спалить запасы нефти и времени навеки,
но запасы
вселенной неистощимы, сколько ты их ни сжигай.
ты убиваешь время?
нет, только себя ты убиваешь...
и пантомимы бессловесных ангелов,
за которых ты тоже в ответе.

печатка тишины

1

четвертая неделя от рождества абрикос,
их цветения. выкупанная, благоухающая девушка
медленно растворяется в сумерках,
в ненастоящих мультипликационных
овалах вечерения...
еще полчаса – и у ночи появится заманчивый облик
девушки на скамье.
проявятся ее сине-зеленые, как лунные оливы, глаза,
треугольник улыбки, слегка удлинённый помадой
и родинкой над губой. куски темнеющего неба шевелятся
в проводах и листьях —
звездные тараканы мельтешат лапками,
бесстрашные и пугливые.
ночь-куница выходит на охоту в частном секторе,
плавно поводит пушистым хвостом
догорающего костра.
он и она.
печатка тишины с кусочками ягод в инициалах.
русалка в лунном сине-зеленом молчании
сопровождает немногословный высокий танкер.
вот так вдохновенно целоваться на скамье посреди лета
сквозь решетчатый колкий запах летних трав
могут только подростки и призраки.
целоваться с самой ночью – с прищелком,
с острыми языками цикад. это не метафора —
вот ее рука на горячих ребрах, легкий браслет.
а это – волшебный взмах приближающихся фар:
такси, точно проклятый полицейский с фонариком,
ищет совесть на бездорожье дорог.
и два шестнадцатизэтажных дома прямо за теплицами —
дебело-серые санитары в квадратных шапочках
и, судя по балконам, с переломанными носами.
не бойся – я с тобой. но только мгновенье.
одно мгновение с тобой – к трем в нигде —
таков масштаб жизни.
сейчас же наши души и тела не видят разницу
между «душой» и «телом», между словами.
сказанное мною – ерунда раскрашенного пшена.
есть продолжение твоей картины, рука из рамы.
есть сквозные поцелуи и норы вечности —
засунь руку под футболку, смелее.
спасибо поэтам. боль где-то в прошлом и будущем.
как горизонт мироздания, но он нам не нужен.
пекарь сажает бледный хлеб в печь тьмы – так

рождается рассвет.
но до утра еще целая вечность...

2

...над общежитием всплыл чей-то вопль —
быстрый болотный пузырь —
и поднялся к мелким звездам,
и посмотрел на планету со стороны:
яблоко – голубой налив – в сияющем бескожье,
и вокруг яблока кружится,
сталкиваясь с упорством камикадзе
космический мусор: тяжелые бронированные мошки.
ты одергиваешь меня – куда? а ну целуй меня.
положи руку вот сюда.
приглашение в пещеру сокровищ.
нет, это не я – срезанный блик чужого воспоминания.
настроился на чужую память,
возможно – на память несуществующего ангела.
ох уж эти воспоминания – ювенального, ванильного.
дни запутались, как водоросли в длинных волосах,
в пряди синими лентами вплетены записки
мелким шрифтом на тетрадных листах.
и где-то по горизонту, как по доске на вышке бассейна,
ходит обманутое детство – детство мира.
что же это за договор такой?
плата за жизнь? не много ли?
ты щиплешь меня. да что с тобой, дима? где ты сейчас?
тебя как будто и не было. живой манекен.

3

любимая, это непередаваемое ощущение.
одновременно живешь в прошлом, будущем и настоящем.
дробись на своих двойников, как водопад.
находит коса на камень, на память, искры, лязги,
умудряюсь целоваться с тобой,
писать об этом и забывать навсегда,
всё – одновременно:
драконы танцуют необъятные, необъяснимые вальсы,
красиво вертят мордами с затуманенными глазами.
у тебя еще нет косы, ты отращиваешь волосы —
тонкие опрокинутые скалы —
антрацитовые, с дьявольской простеклюю.
мне показалось, что здесь есть кто-то еще... да, смотри.
вот это читатель, а то – кошка на заборе —
бородавка ночного пространства.
хватит бегать во времени – возвращайся... но куда?
куда мне вернуться? где я сейчас?
где мое место?
вот так воспоминания о нас

путешествуют сквозь века —
обрастают ломкой витражной плотью,
тяжелым мазутным шумом турбин.
не бойся пустынь, желтой текучки жизни —
однажды каждая песчинка превратится в жемчужину,
в фрагмент ротовой полости, в легкого журавля,
в журчащий ручей,
ибо боль учит говорить
на языке совершенства.

Здесь время, как улитка

здесь время, как улитка,
лениво ползет по кругу циферблата.
море становится на задние лапы
и с любопытством гончей обнюхивает небо,
а ядовитая синева запуталась в пальмовых листьях,
точно опытная мелодия
в пальцах начинающего пианиста
(день-ночь-день-ночь). ярко тает небесный бекон —
прослойки сала и мяса тонко сменяют друг друга.
прибой извивается —
сердитый ребенок в кресле дантиста.
прозрачной конницей может внезапно налететь тропический
дождь,
посечь палашами теплых капель лицо,
изрезать подержанный, выгоревший мерседес,
но лето бессмертно, как мидас, превращающий всё,
до чего дотронется, в золото,
в зрелость,
в предел совершенства...
залив. заливная рыба на фарфоровом блюде,
и кусочками моркови торчат оранжевые буи.
плывет в солнечном мареве профиль гостиницы —
многоликий циклоп с палицей.
засохшая пальма громадной ящерицей
напряженно застыла на стене воздуха
с максимальным растопыром лап, а за ухаб
истой дорогой начинается подобие хлипких трущоб —
сарай и домики – вросшие-в-плоть-ногти.
наглые псы, полуголые дети – занозы для глаз.
вот обломанный невиданной силой бетонный столб —
поломанная свеча, и вместо фитиля
из раскрошенного нутра торчит ржавая арматура.
здесь ты обгоняешь само время,
как улитка улитку.
но ненадолго,
и время гигантской волной
в конце концов настигает тебя.

2

спустя семь часов. ночная прохлада —
фигуристая мулатка в кофейно-синем платье
без музыки танцует фламенко в золотых туфлях
(каблуки увязают в остывшем песке).
ты смотришь сквозь ночное небо —
сквозь выгнутое стекло батискафа.

опустился на глубину, в алмазную черноту,
и, возможно, это приближается не самолет,
а рыба-молот.
вот оно – чувство жизни без прикрас и мишуры —
ты плаваешь в глубоком, как байкал, бассейне,
у бассейна высокие борта – не достать рукой,
и нет алюминиевых лестниц для спасения.
ты не собираешься тонуть,
но и не можешь выбраться наружу. чего-то ждешь,
лежишь на спине под куполом сине-стеклянным,
плывешь в мерцании щадящего ночного освещения —
малек, задумавшийся о вечном.
и что такое падающая звезда, как не чье-то прошлое?
и чувствуешь, что поднимаешься, падаешь ввысь.
прибой гипнотизирует,
морская змея грациозно становится на цыпочки
и шипит белые стихи в микрофон на пляже,
и сознание завлакивается шипением —
густым, шелковым, шальным. вот заныла шея,
вспыхивает новый образ, точно чиркнули спичкой.
девушка вернулась домой поздно ночью. одна.
подходит к зеркалу, вздыхает по-детски,
начинает высовывать серьги из маленьких ушей,
и ее зеркальная двойница с легчайшим запозданием
задумчиво, неохотно снимает сережки.
и это синхронное раздевание звучит, как мелодия,
отраженная в глыбе черно-зеркального рояля.
тогда ты понимаешь, что смерть – это антарктика,
иллюзия земли обетованной.
смерть носит белые просторные одежды,
смерть играет на черно-зеркальном рояле
среди айсбергов и мертвой синевы,
среди мускулистой, как мел, тишины.
но звуков нет, лишь раздаются пустые щелчки клавиш:
белые и лаковые, черные и лаковые, и снова белые.
ибо сухожилия внутри рояля
кто-то благоразумно перерезал.

НОСТАЛЬГИЯ

ну и резанула же кривыми ножами
идея возвращения.
иероглиф чернильной боли на молоке
медленно расплзается по темени.
вернуться? к тебе? невозможное – возможно?
да ну его к черту! так трощит скрипку подбородком безумный
музыкант, так удивленный стекольщик
сдавливает пальцами перерезанную вену,
но музыка пробивается —
толчками, сгустками, овалами. идея вернуться к тебе
торчит между лопаток, как шпага тореадора,
вибрирует тяжелой уродливой струной.
стоит ли возвращаться?
идти сквозь паутину прошедшего,
выставив пятерню и сощутив глаза?
может, и не существует никаких возвращений?
то, что вчера было блюдом со слезами влюбленных,
сегодня – банальность, салициловая кислота.
я никогда не вернусь – но мысленно делал это не раз,
обвязавшись веревкой – уходил в буран невозможного;
веревка натягивалась, скрипели колки тысячи скрипок,
предательски тонко визжал стальной трос буксира.
может, не стоит тревожить призраков и богов?
не стоит возвращаться? возвращение —
ностальгия котлеты по говяжьим ляжкам
и травяной благодати. каждый третий
здесь инопланетянин. плотник иосиф,
построй мне деревянный вертолет,
чтобы смог я вернуться – инкогнито.
на несколько минут
пролететь над замершими в дивных позах днями —
над спящими прозрачными младенцами,
а внутри младенцев цветочными роями
кружатся, беснуются души миров,
утраченных навеки.

МЕСТО ДЛЯ РОДИНЫ

осень: идеальное место для родины —
полуразрушенное, густое, кряжистое.
пустырь заброшенной стройки,
заросший великолепным бурьяном,
украшенный обморочными лестницами в небеса —
незавершенными, несовершенными, как стихи юности.
и кусками бетона с ржавыми хрящами арматуры.
с патрулями из глазастых ностальгических псов,
застрявших между истаивающей любовью к человеку
и прогрессирующей верой в волка.
там нет ни политики, ни культуры, ни разума —
сплошная первобытная самоволка.
там отваливаются за ненужностью
широкие крылья – как у ангела, так и у химеры.
и тощие драконята пожелтевших кленов
едва пришпилены к гусиной коже пространства
черными булавками грачей —
всё держится на зверином слове.
и ветер-почтальон
слюнявит марки грусти – пустые сырые окна.

Яся

девочка из блестящих скрепок,
золотистых кос и плюшевых грез,
помнишь ли ты наши живые пещеры из одеял
(внутри жадно дышала теплая пластилиновая тьма)?
наши шалаши под муаровой сенью абрикос?
помнишь первобытную влюбленность
пещерных людей?
яблоко, бутерброды, нелепая кукла, водяной пистолет...
как домашнее задание бога,
мы бы смогли воспроизвести человечество целиком,
окажись вдвоем на другой планете – просыпаясь
каждое утро в сиянии голубом (по лермонтову).
глубоко в тебе сидит грудастая прародительница-мать,
похожая на важную торговку овощами
возле универсама. а во мне затаился охотник и воин —
матерая обезьяна, покрытая шрамами.
это детская дружба мальчика и девочки.
эпоха чудес вспыхнула, как просыпанный порох,
но не сподобилась на взрыв сверхновой.
зарос глупыми мышцами аленький цветок.
самоистребилось время волшебства,
словно бони и клайд зашли с ружьями в диснейленд.
и, вскрывая деревянные полы в старом доме
(по нежилым комнатам важно прохаживаются
дряхлые балероны запустения
и тихо хихикают по углам паутины),
я нахожу под досками скромный скелет кошки —
пианолу детской мечты.
кошку звали ясей. а как же звали тебя,
золотистая девочка?

письма патриция

мои любовницы,
смываю с вас божественную позолоту.
вы не ушли – вас намотало на зубчатый вал времени
за легчайшие ажурные чулки.
вы растворились в бескрайних ночах прошедшего,
как жемчужины в чашах с лунным вином.
вы бережно или небрежно ухаживали за мной,
самозабвенно ласкали медную лампу аладдина,
не ведая,
что некоторые желания накрывают всю нашу жизнь,
как облако саранчи кукурузное поле и небо над полем.
вселенная разжимается, точно гармошка царя гороха.
мне было хорошо с вами, но и без вас неплохо.
спасибо, что в суровые зимы вы были со мной —
украшали горностаевыми мантиями голого короля.
я щедро отблагодарю вас.
в реальности мона лиза стареет и на холсте,
шедевр исподволь превращается в старуху.
и бородавки, как репа,
проклевываются сквозь засохшее масло.
что же делать? проклинать леонардо?
лаская ваши текучие песочные тела
(похожи на макеты пустынь в парижском музее,
масштаб: один сантиметр – сто поцелуев),
я грежу о лирике, которой наполню вашу
виолончельную пустоту.
я построю великую башню из стихов —
похожую на шахматную доску,
скрученную в бараний рог,
с балконами, с ревушей от ветра вершиной;
вершина присыпана солью, как снегом,
и крылатые олени из швеции слетаются на солончак.
и вы будете жить в стихах, никогда не старея.
каждой достанутся лучшие платья метафор, сравнений,
только не деритесь,
не выцарапывайте друг дружке глаза.
я поэт, и пустота женщин принадлежит мне по праву.
старинное, зачитанное до дыр письмо
с признаниями в любви молодого патриция
лежит у каждой девушки под подушкой.
я ухожу от вас, мои красотки.
я вырыл ров вокруг замка личной жизни,
налил дождевой воды и запустил крокодилов.
такой себе индийский раджа
с пятнышком белым от зубной пасты на лбу.

переписал все сокровища сердца на любимую жену
(пусть не знает, что я спрятал в офшоре).
прощайте же, красавицы,
с самого детства рисующие сами себя,
сами себя медленно пожирающие,
ибо бог красоты терпелив, но прожорлив —
жестокая, умасленная маслами, змея
с тугим золотым ошейником.

ТЫ ВЫГЛЯДИШЬ ГРУСТНОЙ

ты выглядишь грустной:
рыбка-камбала прислонилась к окну.
бледно-розовое бра
с перегоревшей лампочкой
абракадабрится в тишине.
и девочка сидит на кушетке, обняв колени.
детства белый пломбир необратимо растаял и убежал.
ты выглядишь грустной,
и я не в силах тебе ничем помочь.
а может быть, это ловушка?
мужчиноловка с ароматными липкими лентами?
искусная маска хищного ангела?
советы подруг, как иглы,
входят в шелковую мякоть сердца,
словно там им и место. мышца-игольница.
ты с грустью глядишь в окно на косою, как заяц, дождь,
так трусики сиротливо глядят сквозь иллюминатор
остановившейся стиральной машины.
смотришь на мир застекленных гигантов,
взъерошенных плоскостей, громад забетонья.
ты никому не нужна. добро пожаловать
в клуб никому не нужных людей.
любовь – это все, что есть у человека,
чтобы пустить корни, протянуть солнечные длани
в персиковые долины иной реальности.
если бы тебя сейчас увидел бог —
одарил бы обручем для волос,
точно игрушечным алюминиевым нимбом,
причислил бы тебя к лику простых. не больше.
милостыня небожителей? или ты ждешь любви?
в каждом мужчине ты видишь себя саму, без грима,
отражение незнакомца,
лицо в колодце, затоке, болоте.
звезды, как буи, за которые тебе никогда не заплывать,
но ты грустна не от этого: тебя укусил комар глубины,
и ты расчесала укушенное место —
вот покраснение смысла. твоя грусть, как леденцы,
которые варили лунные старухи
из сахара и поваренной соли.
ты грустна – одинокий турист на незнакомой планете,
у тебя украли влюбленное время – местные деньги, —
и ты бедна вне времени, вне богатства. ты грустна,
и это прекрасно. картина под жадным ливнем
танцует, плавится, переливается.
кто-то жестокий оставил ее в облезлой раме

золотого загара
умирать, исчезать на улице на глазах людей с зонтами,
прислонив лбом к стволу каштана.

«...и мечта старится, как собака...»

...и мечта старится, как собака.
но ты продолжаешь делить с ней кров, чесать за ухом
и баловать вареной курицей по выходным.
ты не будешь уже молодым.
депрессия – это когда превращаешься
в человека-шифоньер
и начинаешь шарить, копошиться в себе,
выдвигаешь пустые ящики с грохотом из груди и печени,
ищешь там серебряную монету 1924 года —
с рабочим-молотобойцем,
но монеты нигде нет, а на улице уже глубокая ночь,
и протяжный вой ротвейлера,
будто эскалатор с плавно ползущими ступеньками
не дотягивает до сливочной луны – едва-едва.
но монеты нет, ты ограблен,
и деревья-рыцари на конях тьмы окружают тебя,
тьма плещется, заставляет переливаться через края,
границы тела растворяются,
и ты растекаешься в пространстве нефтяным пятном
по ночному морю.
и – будто тонущий за соломинку —
касаешься клавиатуры.

жемчужина ненастья

жемчужина, завернутая в носовой платок, —
лето на водохранилище. само слово «водохранилище»
обещает некую грозную тайну —
лох-несское чудовище как минимум.
погода перламутровая, прелая и мутная,
безнадежно испорчена бряками будущего дождя;
лимфоузлы туч увеличены кратно.
мы лежим в палатке – ты охотишься за комарами,
чудом просочившимся внутрь,
а дочь играет моей щетиной, трет ладонью о наждак
и смеется, и детский смех звучит вразрез настроению —
так компания белых капустниц
беспечно порхает в библиотечном зале.
на ветках и траве, канистрах и веревках
тускло сверкает дождливость.
природа опять на сносях, а отец – проходимец.

«ОН СМОТРИТ ИЗ ОКНА НА ДЕРЕВО, А ОНА...»

он смотрит из окна на дерево, а она
подходит к нему со спины
и по-детски обнимает за талию, словно дочь – отца
(за миг до приближения он почувствовал аромат
ее веснушек, аромат чуть увядших ромашек в кувшине).
он уже не помнит, что такое быть самим собой,
он смотрит на дерево перед домом,
он не знает, что сейчас соединяет их сердца,
что поддерживает их на плаву в мегаполисе
среди красочных бегемотов.
случайное чудо любви? музыкальный этюд
двух судеб, столкнувшихся лбами?
царапины совершенства на запястьях?
она же – свято верит в обручальное кольцо,
в компактное счастье (радость обезьянки
в сожительстве с уютным, добрым, сильным фотографом).
когда они устают говорить,
то вынимают слова, будто поплавки из пустоты
или крошечные вставные челюсти театральных кукол,
и кладут их в кружки с холодным чаем.
смотрят телевизор, цокают и шипят на рекламу,
покрываются пестрым ворсом кошмара.
жизнь – будто мороженое, которое тает в руке ребенка,
заваленного пылью и кирпичами
после землетрясения. но он всё еще жив.
мир – мраморный дворец,
объятый камнеядным пламенем времени.
а он пытается спасти,
вынести из огня то, что ему дорого,
то, что он считает самым ценным —
младенца в люльке, кашляющую женщину,
белую, как мрамор, веснушчатую венеру,
чемодан со стихами, шкатулку с документами.
он рискует, он может выгореть изнутри,
может ошибиться – сделать выбор,
о котором будет жалеть всю жизнь или сомневаться.
спасет истину вместо друга. дочку вместо жены...
господи, почему же он так верит
в теплые летние дожди, в бессмертие —
тихое, призрачное, шелестящее легкими каплями,
что льется однажды над миром —
однажды и безвозвратно?..

«ВЕСЕННЯЯ КАПЕЛЬ...»

весенняя капель
лет быстрый яд
в уши обезьянок чернозема.
голые, как черные осьминоги, деревья
трясут ветвями.
узнаю тебя, мир: первый взгляд в окно,
не в интернет, ты похудел, завшивленный рыцарь,
вернулся из крестового похода зимы,
из бумажных пустынь черновиков,
сбросил доспехи жира,
не взял заветный Иерусалим – лишь
несколько банок с соленьями, да мумию снеговика
тащишь подмышкой холодного асфальта,
но ты готов к перерождению.
ты готов принять меня.

помнишь апрель прозрачный:
оттаявший невидимка из ледника,
мы уже научились курить и целоваться,
скучаем на скамейке под тополиными лапами,
а над нами бетонная черепаха встала на дыбы,
и солнце жалит, и мы, точно жуки,
барахтаемся на бескрайней трескучей фольге.

ветер нараспашку пахнет
мокрыми объявлениями о пропажах собак
и сигаретным дымом, девушка в одних чулках
курит в окно, выдыхает туман, чуть развратная
эйфелевая девица – цвет ее глаз не разглядеть:
окатанные морские камушки – сколько
им тысяч лет, интересно?
я выброшен на берег чужой спальни;
камин, размером с дога, и пламя ласково пожирает
полено, медленно смакует древесную плоть —
так глодает пес говяжьё кость – зверь огня,
зверь времени,
зверь женщины.

«ТАК В ЮНОСТИ ВЫСОВЫВАЕШЬ ГОЛОВУ...»

так в юности высовываешь голову
из окна дребезжащего трамвая.
и теплый ветер бьет по коренным зубам,
будто невропатолог молоточком по коленям.
заливает в твою глотку расплавленный хрусталь,
а ты, счастливый фальшивомонетчик, ухмыляешься,
задыхаешься, шуришься,
и о твою голову с глухим звоном
разбиваются воздушные замки —
разлетаются на пузырьчатые осколки кислорода, а тебе
так хочется жить – до сказочной жути,
до нежного озноба.
от неземной тихой радости
бурлит оптимизм – золотое озеро с пираньями,
в которое забрела глупая раненая королева.
и ты летишь в карете, обвязанной пачками динамита,
сардельками смерти, и за тобой
бархатно, штриховано тает бикфордов шнур,
ты знаешь – огонек тебя не догонит,
а когда всё же догонит – ты встретишь тихий
шипящий сквозняк лицом к лицу:
револьверное дуло, приставленное к дверному глазку,
чтобы запечатлеть последние картинки
в чудном, разлетающемся мозгу —
на живые, хнычущие осколки.

«ПОЭТЫ ПАРЯТ/ПОДСКАКИВАЮТ НАД АСФАЛЬТОМ...»

поэты парят/подскакивают над асфальтом,
ибо свободны от земного притяжения. чуть-чуть.
нужно носить в карманах подковы, куски кирпичей,
прятать свинцовые пластинки
в атрофированных крыльях,
чтобы не унес горячий, как из радиатора, ветер перемен
одуванчиковую Эли с букашкой
в страну человеческих зверей.
эпоха лакомится поэтами, как трюфелями.
бедность – патриотичная свинья – всегда нароет
парочку талантливых особей на кривых ножках.
и ты думаешь: человек искусства – приятная ошибка,
нелепая случайность, золотая рыбка,
которая живет в бачке унитаза – каждый раз
мучительную минуту задыхается, пока
эпоха перезагрузится,
набьет эмалированное брюхо
хлорированной ядовитой водой.
поэт – это то, что случилось со мной.

Век-мальчишка

век-мальчишка умаялся за день,
наплескался в реке времени —
(похожа на зеркальный клей,
когда нырял – наглотался дежавю),
устал загорать под ядерными вспышками корей,
мечтать искусством, играть в войнушки – сам с собой.
всем столетиям одиноко, они – сироты Вселенной,
тыняются в громадных одиночных вольерах,
а сквозь прутья лет должны просеменить мы,
взявшись за руки или за ружья – полубезумные лилипуты.
протянуть друг другу нужные слова —
и уцелеть, и не исчезнуть в пути, проложенном
сквозь гудящий пищевод пространств,
сквозь алые воспаленные глотки восходов и закатов.
но этот мальчишка особенный.

век мой, мальчишка,
давай присядем на берегу,
посмотрим – что же мы натворили?
и кто эти муаровые цифровые великаны
(танцуют у водопада в ореоле мельчайших брызг)?
мы весело проносимся сквозь мерцающие символы,
как индейцы сквозь инопланетный дождь,
а люди неспешно текут по проспекту:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.